

**АЛЕКСАНДР
БОГДАНОВ**

ЗАПУТАННОЕ
ДЕЛО

Александр Алексеевич Богданов

Запутанное дело

*Текст предоставлен правообладателем
Запутанное дело: 1917*

Аннотация

«...Поезд подходил к станции Бологое.

В третьем классе, по обыкновению, было душно, тесно и накурено. Пассажиры, успевшие перезнакомиться между собой, вели нескончаемую беседу.

Около самого выхода из вагона в дружной оживленной кучке сидели: белокровная болезненная женщина в нанковой рыжей коротайке и черном платочке, с ребенком на руках: плотный краснощекий мужчина в поддевке и ватном суконном картузе, – по-видимому, прасол; солдат с тремя медалями и Георгием; неопределенный господин в очках и строгий благообразный старик с библейской седой бородой, белыми пушинами бровей и длинными прядями волос, подстриженных почти у плеч. Старик походил на сектанта...»

Александр Алексеевич Богданов

Запутанное дело

Поезд подходил к станции Бологое.

В третьем классе, по обыкновению, было душно, тесно и накурено. Пассажиры, успевшие перезнакомиться между собой, вели нескончаемую беседу.

Около самого выхода из вагона в дружной оживленной кучке сидели: белокровная болезненная женщина в нанковой рыжей коротайке и черном платочке, с ребенком на руках: плотный краснощекий мужичина в поддевке и ватном суконном картузе, – по-видимому, прасол; солдат с тремя медалями и Георгием; неопределенный господин в очках и строгий благообразный старик с библейской седой бородой, белыми пушинами бровей и длинными прядями волос, подстриженных почти у плеч. Старик походил на сектанта.

Беседовали без определенной темы. Солдат передавал впечатления войны и расспрашивал про урожай и про деревню, о которой он стосковался. Женщина жаловалась на дороговизну, ругала торговцев грабителями и кровопийцами. Прасол неловко кряхтел и, словно оправдываясь перед кем-то, возражал сиплым фальцетом:

– Торговое сословие не причинно!.. Тут надо тоже пра-

вильное понимание иметь, в чем главный корень оборотов... Первое дело расстройство транспорту, а второе курс рублю... На торговцев тоже, бывает, рубль на рубль накладывают.

– На вас рубель, а вы два!.. – горячилась женщина. – Набьете вот этикие пуза, и притка вас не берет... Тыщи огребаете...

– Как кому посчастливит тоже!.. – возражал прасол. – Кто огребают, а кто в трубу вылетает... Пожалуй еще, и в тюрьму ненароком попадет.

– Кто совесть имеет, тот, не попадет... – строго и внушительно сказал седобородый сектант. – А что многие из вас ради мирских благ сатане душу продали – это тоже верно!

Под станцией Бологое неопределенный господин в очках сошел. Освободилось место, на которое подсел новый пассажир, духовная особа в синем поношенном подряснике, войлочной шляпе, широких сапогах и с серым брезентовым чемоданом. Прасол поморщился, но потеснился, чтобы дать место. Ребенок заплакал.

– Нишкни ты!.. – цыкнула на него женщина. – А то вот дьячок в мешок посадит... Дьячок, посади моего Васеньку в мешок!..

Духовная особа ласково нагнулась к ребенку:

– Молчи, молчи, голубок!.. Видишь, какой у меня мешок большой!

Ребенок вытаращил глаза на его черную окладистую бо-

роду и замолчал.

Пока у Бологого поезд стоял, беседа прервалась. Смотрели в окна на станционное здание и на жандарма, расхаживавшего по платформе. Солдат сбегал в буфет за кипятком, достал из холщового мешка хлеб с кусками ярко-красной, начавшей уже портиться колбасы и расположился пить чай.

– Ишь какая теснота!.. Не знаю, где и примоститься, кипятком попариться!..

После долгих хлопот и приспособлений ему удалось устроиться. Он поставил свой жестяной чайник на пол, на холщовый мешок положил хлеб с колбасой и на коленях приспособил белую эмалированную кружку.

– По-походному!..

– Ничего!.. – благожелательно заметила женщина, отодвигая ноги дальше от чайника. – В тесноте, да не в обиде...

Прасол поспешил завести знакомство с духовной особой.

– Отец дьякон будете?..

Тот, кого приняли за дьякона или дьячка, ответил не сразу. Вытер платком лоб, расправил плечи и сказал мягким, добродушным тоном:

– Да вроде как будто отца дьякона... Сам вот не знаю, кто... дьякон или священник!..

Все с любопытством повернулись в его сторону.

– Удивления даже достойно!.. – подтвердил он. – Вроде как бы по пословице: едет туда, сам не знает куда, едет кто, сам невесть что... Но всякие коловратности происходят на

свете, – особенно, ежели принять ко внимание военное время... И то, что случилось со мною, весьма даже назидательно...

Прасол и прочие вытянули шеи и жадно приготовились слушать. Заметив это, духовная особа словоохотливо начала.

– Вот уже шестой раз за время пути рассказываю я эту историю... И все, кто слышал ее, повергались в изумление. Пожалуй, расскажу еще раз вам. Все равно до Петрограда времени много...

– А вы в Петроград, отец дьякон, едете?..

– В Петроград... Во Святейший Синод... Итак, приступаю... Надо вам заметить, что я рукоположен во дьяконы епископом Антонием. Не слышали про такового?.. А до дьяконства я был псаломщиком в селе Лаишеве, там и прадед мой, и дед, и отец тоже в дьячках состояли, там и померли... Образования я маленького, – дошел только до второго класса семинарии, – риторики, как по-старинному выражались. Так что искусства словесности тоже вкусил, – всякие там понятия о тропах и метафорах и прочих украшениях речи. И не по малограмотности курса не кончил, шел я по первому разряду, а обстоятельства семейной жизни так сложились. Умер папаша, – остались у меня две сестры на руках, одну меньшую, Оленьку, надо в епархиальном учить, другая Варя – горбатенькая калека, замуж такую не выдашь, да еще больная мамаша на руках. Вот все сие и связало меня по рукам. По успехам же моим меня на казенный бы счет в бур-

су взяли. И мамаша, будь она здорова, могла бы просфорней просуществовать не хуже других. Только у мамыши грудная болезнь открылась, и посему должен был я сказать всем своим мечтам о священстве finis.

Женщина с ребенком вздохнула.

– Наша сестра обязательно так, – через детей болеет. Шутка молвить, вот у меня их было девять человек... Ежели всех выносить, то никакого здоровья не хватит. Сколько вас у вашей мамашеньки было?

– Да ни много ни мало как пять человек... Двое умерли, а трое в живых остались.

– Вот от этого и грудная болезнь! – убежденно заметила женщина.

Прасол недовольно покосился на нее и бросил фальцетом:

– А ты не перебивай!.. Лучше вон посмотри-ка на ребенка... Вишь из-под него моря протекли...

– Ах, ты, голопузый!.. – засуетилась женщина. – Скажите на милость, как нарочно, замучил он меня всю дорогу!.. А я-то сижу – не догадываюсь, што коленкам больно горячо! Уж даве и не кормила его, – побоялась, – дала только сухого кренделька пожевать...

– От кренделей в таком возрасте и вред может быть!.. – многозначительно сказал солдат.

Женщина начала перепеленывать ребенка, а дьякон продолжал:

– Итак, я распростился с *aima mater* и отправился домой.

Таково, значит, мне предопределение свыше. И первое дело – женился, жену взял с протекцией, дочь благочинного, отца Василия, из местечка М-ва... Может быть, слышали про сие местечко, про него много писали?

Солдат поспешно откликнулся:

– Как же, – знаю... Сраженья поблизости были... Наши части около тех мест проходили, верстах в сорока...

– Такие сраженья, такие сраженья! – подхватил дьякон. – Словно небесные бездны разверзлись в громах и молниях!.. Ну, да об этом после... А теперь на чем, бишь, я остановился?..

– О благочинном говорили, отец дьякон, – напомнил пра-сол. – И еще хотел задать я вам вопрос, если вам не трудно ответить...

– Что такое?

– Насчет благочинного... Согласился отец благочинный принять вас в зятя?.. Ведь они, благочинные, гордые...

Дьякон оживился:

– Была тут закавыка, – ка-ак же!.. Тесть мой, конечно, предпочел бы выдать свою дочь за студента, а тем паче за академика... Да, признаться, я и его дочь еще раньше знакомы были и уговор между собой имели, вроде как бы обручились... После же моего увольнения я и говорю: «Соня, как же, мол, теперь?.. Хотя мы и дали друг другу обещание, но я не подлец и наперед тебе говорю, что никакого комфорта жизни предоставить не могу... Твоя полная воля, – мо-

жешь от своего слова отказаться!..» Обиделась она. – «Все равно, говорит, я ни за кого больше замуж не пойду...» – «Папаша-то, – это, значит, отец Василий, – говорю, не согласится...» – «Все равно, – отвечает. – Зачем нам согласие?.. Нас дядюшка отец Николай и так обвенчает...» Надо вам сказать, отец Николай любвеобильнейшей души человек и на всю епархию своей добротой известен... Убедила она меня... Так мы и решили венчаться без отцовского согласия. Теперь многие из молодежи так делают, – не желают по старым указкам ходить...

Все время молчавший и смотревший в окно сектант повернул к дьякону строгое, благообразное лицо и сказал:

– Нонешняя молодежь больно много воли себе взяла!.. Худо это!.. Кто отцу с матерью ослушник, того Бог наказывает... Может, и вас Господь за ослушание наказал!..

– Ослушание ослушанию разнствует... – раздумчиво возразил дьякон. – В сущности говоря, тут с нашей стороны никакого серьезного ослушания даже не было, потому что папаша ее, отец Василий, нас простили... Да... Повенчались мы, а потом с повинной. Сперва Соня в кабинетик к нему прошла, а потом я, – прямо в ноги бух... Не жестокосердый же он палач, чтоб свое любимое чадо казнить... Волей-неволей пришлось простить... Она единственная дочь... Моя вина тоже не велика... Кабы я за неспособность, или за порочность был выгнан... А ведь я перворазрядник, в академию мог попасть и, если бы не семейные обстоятельства, то даже

до архиерея возвыситься, – это всем хорошо известно... Посердились на нас папаша, а потом в приданое пятьсот рублей ей на обзаведение дали, а мне на экипировку и прочее еще сто рублей...

– Л-ловко!.. – брякнул солдат.

Женщина с ребенком от удовольствия осклбила лицо:

– Счастье тебе!..

– Да, что касается семейной жизни, то не могу роптать на Господа Бога!.. – подтвердил дьякон. – Так значит и зажили мы полным домом, – приобрели лошаденку, корову и прочее, что потребно для сельской жизни... Псаломщиком в Лаишеве состоял я недолго, потому что у тестя протекция, и сам преосвященный Антоний к нему благоволение питал. Два года я провел в Лаишеве, а потом в М-ве освободилась дьяконская вакансия. Надел я сюртук, и поехали мы с тестем, в консисторию хлопотать... Поклонились, попросили, одарили кого нужно – и месяца не прошло, как меня поставили во дьяконы.

– Ой!.. – с возрастающим удовольствием воскликнула женщина. – Пра-аво, счастье!..

Прасол с осуждением метнул на нее недовольный взгляд:

– Чего ойкаешь!..

– Переселился я с мамашей под бок к тестю, меньшую, Оленьку, в епархиальное определили, Вареньку пристроили учительницей, и зажили душа в душу... Мир да лепота в дому, – туки и прочее, иной священник в хорошем приходе та-

кого изобилия не имеет... Чада появились, два мальчика да девочка... И мамаша поправляться стали. – Голос дьякона от волнения задрожал. – Однако перехожу к сути дела. Тут началась война. Истинно говорится, что никто не весть ни дне ни часу, в он же приидет... Не чаяли и мы никакой беды... Отец Василий, бывало, еще скажет: «До нас далеко, – до нас не дойдет...»

Исправляем мы требы чин чином, моления возносим о ниспослании победы... И вдруг приказ, – приготовляться на случай к отъезду, всякие книги церковные, утварь, старинные иконы, серебряные и иные вещи, а если возможно, то и колокола не оставлять неприятелю. Стали мы собираться, не спеша, – с обстоятельностью. Полагаем, времени, мол, еще много, авось и минует нас беда. Хозяйство большое, жалко бросать, в поте лица все годами наживалось... Прикинешь одно, прикинешь другое, – не знаешь, за что и взяться, разве на возу целый дом увезешь?..

– Это верно!.. – сочувственно поддакнул прасол.

– Валандались мы так-то, валандались, и вдруг новый приказ, чтобы, значит, немедленно... Пальба поблизости пошла, словно левиафаны рыкание извергают... Вот, тогда мы и схватились за головы без оглядки... У отца Василия две лошади да у меня две, – одну подводу под церковную утварь определили, одну для отца Василия, одну для моих вещей... Говорю жене: «Поезжай, Соня, с ребятишками и с папашей... И мамаша с вами... А мне надо поспешать к Варень-

ке. Без меня пропадет она, не выберется... В такой горячке где она подводу с лошадью найдет? А я кстати остальные вещи захвачу да следом за вами... В городе встретимся...»

Заложил я свою вторую лошадь да к сестре, – верст за тридцать она проживала. Еду, а вдали брань кромешная. бух... бух!.. Точно молотки в самые уши ударяют... Кабы ведать все раньше!.. Дозорные на дороге остановили. – «Куда?.. Тут нельзя!..» – «Не могу же я сестру на погибель оставить... Я за сестрой еду...» Не пропустили, вернули назад с дороги... Однако я местность хорошо знаю, – и в объезд лугами. Так вот и добрался до Вареньки. А там уже наполовину селение пусто, ино разбежались, ино спрятались... Встречает меня Варя, мертвец мертвецом от душевного потрясения... «Эка, говорю, голубка, досиделись мы!..» Уложил я ее пожитки, – платьица да книжки, поехали мы... «Заступница Бога Вышнего, прими нас под свой покров!» Едем среди пожарищ, сами не знаем, какие испытания впереди уготованы. Говорит Варенька: «Доберемся ли до дому?» – Успокаиваю ее: «Ничего, говорю, доберемся!..» Успокаиваю, а у самого сердце – ек-ек, и сомнения обуяли...

Мне бы уж не заезжать в М-в, а прямо в город... Однако такой уж я упрямый человек... Надо, думаю, дом проведать... Да... Пробрался сторонкой да лугами в М-в... Ночь... поздно... Только по небу синие да красные огни полыхают. «Ну, что ж, Варенька, – давай, мол, соснем часок, а потом чем свет встанем да и в дорогу!..» Легли мы... А в ок-

нах словно зори красные играют и все бухает: ба... ба-бах!..

«Нет, – говорит Варя, – не могу я спать!..» Занавесили мы окна, как будто немного спокойней на душе стало... Глаз не смыкали, через какой-нибудь час чем свет вышли из дому... Глядим, а на улицах отряды разъезжают, куртки да каски. Варенька так и обомлела: «Братец, а ведь это, говорит, австрийцы!..» Вижу и я, что австрийцы, но успокаиваю: – «Что ты, Варенька!.. Это же наши гвардейцы, форма у них такая...» Так и оказались мы в плену.

– Ох, ты, Господи!.. – жалостливо вырвалось у женщины.

– Ну, что же, – плен так плен, Божье произволение! Мне-то ничего, я мужчина, а вот посматриваю я на Вареньку и думаю: не учинили бы над девушкой какого злодейства. Одна надежда, что не польстятся на нее, – горбатенькая она да болезненная и лицом некрасива... Слава теперь Богу, ничего дурного ей не приключилось...

Потребовали нас к начальству, – офицер австрийский и при нем переводчик. Тут увидел я, что не один в М-ве остался. Отошло у меня от сердца, – на миру-то и смерть красна...

Выдали нам австрияки бумажки, как бы разрешение на жительство, и стали наводить порядки.

У меня лошадь отобрали, корову, кур и прочее. Хранилось в амбаре четверика два овса да мешка три ржи, – взяли, выдали квитанцию. – «Потом, говорят, наше австрийское правительство расплатится»... Берите, думаю, ваша сила, а сам о Соне и детях тоскую, доехали ли они до города.

Поставили нас на положение пленных. Хорошо, что офицер особенный попался, не в пример прочим: обходительный и тихий. «Вам, говорит, никакого насилия не будет, на всякое же учиненное насилие можете приносить мне жалобу. Только требую точного соблюдения военной дисциплины. За малейшее нарушение ее буду строго карать по законам военного положения, включительно до смертной казни. Для ведения своих общественных дел выбирайте себе совет, а для охраны имущества разрешаю иметь пять человек милиции. Провиант вам будет выдаваться по карточке, сколько определят на каждого человека».

– У них везде так – карточки, – заметил солдат. – Только при этих карточках с голодухи подохнуть можно.

– Действительно, скудно!.. – подтвердил дьякон. – Три четверти фунта в день хлеба на человека. Ну, да в плену не о сытости печешься, а о том, чтобы живому остаться.

Выгнали всех, кто помоложе да поздоровей, на работу... Дороги да окопы да всякие сооружения, – горы цементу навезли... На дорогах караулов поставили...

На третий или четвертый день приходит ко мне мужик Мартьян, был у нас такой старичок, бывший сельский староста.

– Как, мол, и ты, Мартьян, здесь остался?

– Остался!.. – отвечает, – Старший сын на заработки с лошадю уехал, не довелось нам выбраться... С нуждой до вас, отец дьякон, пришел...

– Что за нужда такая, рассказывай!..

– Меньшого сына снарядом вдарило, – помирает он... Напутствовать бы его по христианскому обычаю...

– Как же – говорю, – ведь я не священник, а только дьякон. И прав не имею... И благодати на мне такой нет!.. Чем же я могу тебе пособить?

– Окажите Божескую милость, отец дьякон... Помрет Павел без покаяния...

– Ничего, – говорю. – Ради мученической кончины Бог грехи простит... Да и какие у него грехи?..

– Убивается, тоскует парень... Есть, говорит, на мне один особенный грех, великий грех... И сказать его мне надо на духу... Истомилась душенька без покаяния...

– Пойми же ты, – убеждаю я его, – что не могу... На мне благодать неполная...

– Э-эх, отец дьякон!.. Все-таки вы духовное лицо... К кому же мне обратиться теперь?..

Говорит Мартьян, а сам плачет...

Так вот, долго убеждали мы друг друга. «Бог, говорю, меня осудит да и начальство, ежели узнает, накажет. Исповедовать еще туда-сюда... В апостольские времена и миряне друг друга исповедовали... А вот как я святых даров коснусь?..»

А Мартьян все на своем, стоит: «Развяжите парня, не томите душу...» Что тут будешь делать?.. Раздумался я... В соборных правилах я не силен, не знаю, как поступить. Однако решаю, что, ежели не было рукоположения во священ-

нический сан, то не могу же я его присвоить и превысить сам себя перед Богом.

Одновременно и другие мысли приходят: «Ну, что же?.. Может быть, Бог и простит... Кабы я по корысти или из-за честолюбия сие сотворил... А то ведь я, так сказать, по человечеству... Кто аз есмь?.. Один из водителей церкви... И прав ли буду, если откажу в помощи пасомому...» И так жалко мне старика, а он стоит да слезами обливается. Тут я, – уж и не знаю, как это случилось, – говорю:

– Пожалуй, наведаюсь я к тебе!.. Там увижу, что делать...

Пошел я в погребницу, где мы с отцом Василием церковные облачения схоронили. Вынул епитрахиль и прочее. Держу все в руках, словно тягу земную поднял...

В конце концов решился-таки, завязал все в узелок и отправился к Мартьяну. Свершил все, что полагается, и отпустительную молитву прочел... Вернулся домой, рассказываю Вареньке. «Так, мол, и так... Грех я совершил, за священника требу исправить...» Выслушала она меня, оправдала: «Ничего, братец!.. Коли ради великой нужды, то Бог простит!..» Известное дело, – женщины больше от чувства рассуждают, а не от разума».

– Што же, отец дьякон, – великий грех у парня был? – поинтересовалась женщина.

– Да, действительно великий... – ответил дьякон, – Но по церковному уставу я не могу ничего о том говорить...

Ну, так вот с того дня и пошло. Ступил я единожды на

сию стезю, потом совсем осмелел... Умер Павлуха, похоронил я его по христианскому обряду... «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего!..» Самочинным, так сказать, образом начал священствовать. Был в селе начетчик Ермолай – в иное время за обеднями часы любил читать, а на утрнях шестопсалмие. Ермолай вместо псаломщика стал со мною служить. Жители иначе и не обращались ко мне, как – «батюшка, батюшка!» И сам я сбился с толку, не ведаю, кто аз есмь, дьякон или священник, ибо по делам своим соприкоснулся со священнической благодатью...»

Солдат, слушавший очень внимательно, заметил:

– Подобное и на военной службе бывает! Вот у нас от батальона осталось всего тридцать шесть человек... Так я сперва за фельдфебеля командовал, а потом за офицера... Егорья за это самое получил... А то и такие есть, что за батальонного орудуют...

– Ваше дело иное, – мирское!.. – ответил дьякон. – У вас порядки, человеками заведенные, в моем же деле нарушение Божеских установлений... Да...

Итак, значит, оказался я в положении священника. Жители ко мне за разными надобностями обращаются, я не прекословлю, ибо надо же чем-нибудь их тяжелое житие облегчить... Один раз перед австрийским офицером ходатайствовал, от обиды защищал. А то еще раз пришел ко мне мужик – просит, чтобы повенчать... «В своем ли ты разуме? – говорю. – Такое время, а ты о плотской похоти думаешь... Нехо-

рошо сие!..» – «Так ведь я, говорит, батюшка, не для плоти своей, а для Катерины хочу, – Катериной невесту его звали, – боюсь, как бы австрияки девку не забили... Как я за ее заступлюсь? Ты, скажут, кто ей?.. Тебе што? Поди прочь!.. А будь мы в законе, совсем другое дело, постоять за мужнюю жену я право имею...» – И его повенчал».

Дьякон перевел дух.

– Жил в селе сапожник Казимир, не то католик, не то лютеранин, – не знаю... Встречает он однажды меня и говорит:

– Ну, pater!.. Перед смертью обязательно тебя позову...

– Так ведь ты, мол, не православный?

– Ничего, говорит... Бог один для всех... Кабы я басурманин был...

– Это правильно!.. – вставил свое слово сектант. – И никакого греха нет в том, что ты священствовал. Всякий мирянин, если он достоин, имеет ту же благодать, что и священник.

Дьякон ничего не возражал.

– Теперь заканчиваю свой рассказ. Месяца два так прошло, в одно утро встаем мы с Варенькой, смотрим, что такое? На улицах суета, движение, патрули, повозки. Тогда нам еще неведомо было значение сего события. Еще дня два прошло. Бросили М-в австрийцы. Казачьи отряды въехали. Господи, сколько радости!.. Варенька на шею мне бросается да слезами заливается...

Да, и радость и скорбь. Отправились мы пешком в город,

где Соня с ребятишками, и тещь, и мамаша. Иду я, размышляю и, чем ближе к городу, тем больше угрызения совести испытываю, – словно преступник...

В городе все живы и здоровы... Целуемся, не чаяли, что друг друга увидим, – меня погибшим уже считали. Соне я однако ни слова о том, как священствовал, не сказал. А вечером улучил время и с тестем наедине побеседовал. Раздумался он. «Запутанное, говорит, твое дело! Надо тебе повидать его преосвященство, но епископ Антоний сейчас выбыл в Москву, когда вернется и вернется ли, неизвестно».

Пообсудили мы купно сие запутанное дело и пришли к решению, что мне необходимо поставить о сем в известность Святейший Синод. Как Синод разрешит, так тому и быть.

– Наверное оправдает, – по человечеству!.. – сердобольно сказала женщина... – Может, еще священником сделают.

– Ну, это неизвестно!.. – возразил прасол. – В Синоде свои правила. Не по человечеству, а по церковным уставам.

– Что же, – я готов понести наказание!.. – пониженным, тихим голосом сказал дьякон. – Пусть наложат епитимию!.. Пусть в монастырь ссылают!.. Роптать на сие не посмею, а понесу наказание с полной покорностью, ибо почитаю себя виновным.